

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ: ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Насонов Сергей Александрович

*канд. юрид. наук, доцент Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина,
г. Москва*

Суд присяжных, существуя в сложившейся системе процессуальных отношений, не может не отражать общих проблем, сложившихся в сфере доказывания. Вместе с тем, производство в суде присяжных порождает свои, *особенные*, присущие только этой форме судопроизводства проблемные вопросы доказательственной деятельности защитника, которые требуют своего теоретического осмысления и решения на практике. В этом смысле чрезвычайно важное значение приобретают разъяснения норм процессуального закона Верховным Судом РФ по конкретным делам.

Анализ этой практики свидетельствует о наличии определенных устойчивых тенденций в толковании уголовно-процессуального закона, которые необходимо учитывать адвокату как при консультировании подзащитного по вопросам выбора этой формы судопроизводства, так и при построении тактики защиты в суде присяжных. Рассмотрим кратко эти тенденции:

Первая тенденция состоит в запрете защите использования в суде позиции, основанной на утверждении о провокации со стороны представителей правоохранительных органов или фальсификации ими доказательств по делу.

Типичным примером такой практики является дело Ф., выдержки из определения по которому опубликованы в обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года. Позиция защиты Ф. состояла в оговоре подсудимого сотрудниками МВД и фальсификации результатов оперативного эксперимента. Реализация данной позиции в суде присяжных привела к следующему: «В ходе допроса свидетеля А., являвшегося понятым при проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», сторонами выяснялся вопрос, присутствовал ли он при личном досмотре участника ОРМ, вручении свидетелю Б. видеокамеры скрытого ношения, изъятии скрыто носимой камеры (1 и 2 июля

2008 г.), при зарядке диктофона 2 июля 2008 г., вручении диктофона и его изъятии в этот же день.

В присутствии присяжных заседателей также исследовались материалы оперативно-розыскного мероприятия.

Эти материалы представлялись для обозрения свидетелю А. для идентификации его подписи.

В связи с заявлением А. о том, что подписи в указанных документах ему не принадлежат, по просьбе присяжных заседателей эти материалы представлялись им для обозрения» [1].

В итоге Верховный Суд РФ отменил оправдательный приговор по данному делу, поскольку «...в присутствии присяжных заседателей исследовались способы собирания доказательств, рассматривались вопросы о допустимости доказательств, вопросы тактики расследования» [1].

Другим примером аналогичного подхода, являются дела о преступлениях совершенных во время судебного заседания (например, неуважение к суду и т. п.). По таким делам, одним из основных обвинительных доказательств выступает протокол судебного заседания, где зафиксированы «криминальные» фразы. Однако любая попытка стороны защиты оспорить достоверность этого доказательства в суде присяжных, приводит к отмене приговора суда.

Так по делу Я., приговор по которому был отменен Верховным Судом РФ, «... при допросе потерпевшего К. адвокат Мыльников Е.Н. в присутствии присяжных заседателей выяснял процессуальные вопросы, касающиеся ведения протокола судебного заседания, его последующего изготовления, т. е. вопросы допустимости данного доказательства, хотя протокол судебного заседания был признан допустимым доказательством и исследовался в судебном заседании. После того, как председательствующий судья сделал замечание адвокату, последний, не принимая во внимание указанное замечание заявил, что все равно будет задавать вопросы о процедуре составления протокола и свою позицию донесет до присяжных заседателей...» [2].

Подобная практика Верховного Суда РФ обесмысливает рассмотрение в суде присяжных многих дел, с рассмотренной выше позицией защиты (поскольку лишает подсудимого возможности защищаться от обвинения перед присяжными), искусственно сужая, и без того узкий, круг дел, подсудных суду присяжных.

Другая тенденция, проявившаяся в судебной практике суда присяжных, состоит в расширении в отдельных случаях пределов судебного разбирательства.

Согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится лишь в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Однако в практике Верховного Суда РФ нередко проявляется лояльное отношение к некоторым отступлениям от этого общего условия судебного разбирательства.

Так, например, по делу Б., обвинявшегося в участии в банде, в вопросном листе были перечислены все преступления, совершенные бандой (не вменявшиеся данному подсудимому), а также лица, дело в отношении которых было прекращено в связи с их смертью. На доводы жалобы защитника о нарушении пределов судебного разбирательства Верховный Суд РФ ответил следующим образом: «Вопреки доводам жалоб, поставленные перед присяжными заседателями вопросы не требовали от них ответов о виновности или невиновности других лиц, уголовное дело в отношении которых прекращено в связи с их смертью, а ссылка в вопросном листе на этих лиц, как на входивших в устойчивую вооруженную группу (банду), и на совершенные этой группой преступления является необходимой и содержится лишь в той мере, в которой она необходима для принятия присяжными заседателями решения о доказанности или недоказанности участия подсудимых по данному делу в этой устойчивой вооруженной группе (банде)» [3].

Вряд ли эта тенденция судебной практики может быть оценена положительно, поскольку произвольное изменение пределов судебного разбирательства нарушает фундаментальное право обвиняемого, знать, в чем его обвиняют, и защищаться именно от этого обвинения.

В последнее время в практике Верховного Суда РФ начинает формироваться тенденция оценочного отношения к упоминанию перед присяжными о незаконных методах воздействия на свидетелей (обвиняемого и т. п.) во время предварительного расследования. Апелляционная инстанция анализирует ряд факторов, позволяющих оценить степень такого воздействия на присяжных: конкретность таких сведений; целенаправленность и акцентированность (систематичность) таких суждений; какая из сторон инициировала такие показания подсудимых (свидетелей) и т. п.

Примером такого подхода является позиция Верховного Суда РФ по делу Б.: «Не могут рассматриваться как свидетельствующие о незаконности приговора суда с участием присяжных заседателей и ссылки государственного обвинителя на то, что в присутствии присяжных заседателей как самим подсудимым, так и свидетелями приводились данные об использовании сотрудниками правоохрани-

тельных органов в ходе предварительного следствия незаконных методов воздействия на них.

Из протокола судебного заседания не усматривается, что подсудимым и свидетелями целенаправленно и акцентировано описывались какие-либо данные, касающиеся используемых следователем или оперативными работниками милиции незаконных методов воздействия на них. Фактически все высказывания подсудимого и свидетелей на этот счет ограничивались фразами типа: «Я все соврал, меня Ж. — милиционер напугал. Мне все Ж. подсказывал», «Нет, нас в милиции перепугали», «Да, давал (показания), но я их не подтверждаю. Я их давал вынужденно...» (т. 5, л.д. 234, 236, 238 об., 265), которые, к тому же, произносились в ответ на вопросы государственного обвинителя о том, давали ли эти участники судопроизводства на предварительном следствии признательные показания» [4].

Подобную тенденцию можно оценить только положительно, как определенный шаг в направлении доктрины «смешанных вопросов права и факта», которая снимает противоречие между правом присяжных на оценку достоверности таких показаний и исключительным полномочием председательствующего по оценке их допустимости.

Еще одной тенденцией судебной практики является предварительный допрос свидетелей со стороны защиты, не допрошенных на стадии предварительного расследования, в отсутствие присяжных заседателей. Лишь после этого допроса председательствующий судья решает, будет ли этот свидетель допрошен перед присяжными.

Отказы в таких допросах Верховный Суд РФ нередко не рассматривает в качестве нарушения уголовно-процессуального закона: «Допросы свидетелей стороны защиты Б., Б., Б., К., З., К., С., которые не были указаны в обвинительном заключении, обоснованно проводились первоначально в отсутствие присяжных заседателей, поскольку были связаны с выяснением относимости сообщаемых свидетелями сведений и проведены после выяснения мнений сторон» [5].

На наш взгляд, проведение «предварительных допросов» является нарушением УПК РФ и существенно ограничивает права стороны защиты. До тех пор, пока этот институт не будет регламентирован законом, его применение будет произвольным и направленным преимущественно против подсудимого и защитника, как это и происходит в настоящее время на практике.

Таким образом, в практике Верховного Суда РФ по вопросам доказывания в суде присяжных наблюдаются как негативные, так и позитивные тенденции. Остается надеяться, что последние будут

превалировать, и суд присяжных будет и впредь оставаться одной из самых эффективных форм судебной защиты.

Список литературы:

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2010 г. № 58-О09-91СП // СПС КонсультантПлюс.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июля 2010 г. № 84-О10-31СП// СПС КонсультантПлюс.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 августа 2010 г. № 30-О10-5СП// СПС КонсультантПлюс.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 августа 2010 г. № 57-О10-13СП// СПС КонсультантПлюс.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 мая 2012 г. № 16-О12-20 СП// СПС КонсультантПлюс.